

Рассказ учителя (отрывок из романа «Сыны Ваче»)

Как-то ко мне на работу заглянул учитель Ингар. Меня это удивило: в Махачкале он появлялся нечасто, а тут приехал в сентябре, когда в школе начались занятия. Что-то случилось?..

После последовавших взаимных расспросов – словно прочитал мои мысли – он сказал:

– Оставил я школу. Не пойду больше, хватит.

– Что случилось? Почему?

Взгляд учителя Ингара, с хитрецей, задержался на мне.

– Теперь я хочу стать поэтом, – заявил он.

– Но разве ты и так не был поэтом? – сказал я. – Ты же сочинял стихи.

– Сочинял. Но то были лёгкие опыты. Теперь у меня намерения серьёзные.

– Что ж, это в обычае у нас, лезгин, – сказал я. – Как выйдет человек на пенсию, так начинает писать стихи. Наверное, думают, что без их помощи в наше трудное время лезгинская поэзия совсем захиреет... Но ты, учитель, к ним не относишься, – спохватился я. – Я знаю, твои стихи со смыслом.

– Насчёт смысла не мне судить... – он вынул из своего портфеля тощую рукопись. – Но ты эти стихи просмотри. Больше нет. Тебе и решать, стоит ли их издавать. Если нестоящие, выкинь. Сам не сумею.

– Просмотрю, – заверил я учителя, забирая рукопись. – Издадим твою книгу.

Ясно было, что его уход из школы никак не связан с пробудившимся даром стихотворчества. И я решил не задавать никаких вопросов, а дожидаться, пока он сам разговорится.

– Поедем ко мне домой, учитель, – предложил я, – там и посидим спокойно.

– Не то время, чтобы ехать домой, – отклонил он моё предложение. – К тебе можно вечером. А теперь поищем другое место, где можно посидеть.

– Тут в парке, недалеко от нас, есть хорошее кафе. Там можно посидеть под тополями. У них хорошее сухое вино...

Беседуя таким образом, мы дошли до кафе.

Под громадными тополями на ограждённой летней площадке за столами посетителей было мало.

Рядом возвышалось округлой формы массивное строение ресторана.

– Не посидеть ли нам в ресторане, учитель? – спросил я.

– Нет, лучше здесь, на открытом воздухе.

Мы устроились за столиком в уютном углу, подальше от движения и снующих людей.

Подошла официантка, мы сделали заказ.

И увлеклись беседой...

Учителя Ингара, вместе со всем происходящим в стране, особенно удручало падение престижа педагога: знания обесценивались, молодые не хотели учиться.

– Вот почему ты решил оставить работу в школе, – понял я.

– Нет, – сказал он, – у меня была другая причина.

Я удивился:

– Какая?

– Выпьем по стопке, и я тебе расскажу. Не короткий выйдет разговор... И рукопись, что я привёз, для того лишь, чтобы иметь повод. Я приехал к тебе с другим, со своей печалью. Ты был моим любимым учеником. Ты меня слушался и понимал...

– Спасибо, учитель, что помнишь меня таким!

Я разлил вино, мы чокнулись и выпили.

– Бог есть, парень, да. Он велик...

Такого начала от учителя я никак не ожидал и невольно прервал его:

– Вот тебе на... Не помню, чтобы ты был твёрд в вере.

– Вот что я тебе расскажу, парень... Это случилось, когда весной ещё не пахло, лежал снег, держались холода. Как-то в полночь в комнате, где я спал, со стены упал портрет моего отца, погибшего на войне. От звона разбитого стекла в рамке я пробудился. Столько лет прошло после войны, портрет висел да висел себе, а теперь вдруг упал. Я был неприятно поражён. Гвоздь оставался на своём месте в стене, бечёвка же от портрета оборвалась.

Я вспомнил про мать... Не захотела она переселиться ко мне, ты это знаешь... Проводила свою жизнь в одиночестве: мол, дом, куда её выдали, дом мужа, останусь преданной дому, там и умру. Да какой там дом? Ты знаешь, в один этаж, маленький, хибарка... Спросишь: «Как ты не боишься быть одной?» Она в ответ: «Я не одна, с мужем». Хранила маленькую фотографию отца, полученную с фронта. Вот с этой фотографией и говорила, как с живым человеком... Она боялась, что без неё дом обвалится...

Мы её уговаривали, говоря: «Вот вернётся, отучившись в городе, твой внук, поселим его здесь, не дадим обвалиться твоему дому, возведём и верхний этаж...» Ни в какую: «Пока я жива, сама останусь хозяйкой в своём доме. А когда меня не будет, тогда и поступайте по вашему усмотрению».

И что ты ей ещё скажешь? Мать – она и есть мать, с нею не поспоришь, её слово не переборешь.

Упавший портрет вселил мне в душу тревогу, согнал меня с постели. В мороз, по полуночным заснеженным закоулкам я поднялся в Верхний квартал. Вижу ещё издали: у матери на террасе горит свет. Сердце у меня упало: что же могло случиться? Старая женщина, сил как у цыплёнка...

В доме людно. Сама мать, как обычно, лежит на постели у стены, поближе к печи. Собравшиеся соседки утешают её: «От предписанного тебе не уйдёшь... Хотя так обошлось, могло быть и хуже...»

Махмуд, сосед матери, мне сказал:

– Я собирался к тебе. Мать твоя не пустила: «Не стоит будить, утром и так придёт». Кто тебе сообщил?

– Отец...

У Махмуда округлились глаза.

– Какой ещё отец?

– Мой отец, мой... Потом расскажу. Что тут произошло?

Махмуд пожал плечами:

– Вчера выдавали пенсию... Вор решил завладеть богатством твоей матери. Пришёл в маске. Взял деньги из-под подушки.

Тут мать сама обратилась ко мне:

– Вор залез в мой дом, сынок. Унёс пенсию... Я уже задремала, но почувствовала, когда он сунул руку под подушку. При спущенном свете керосиновой лампы мои слепые глаза не видели его лица. Но моя рука нащупала, кажется, маску. Я схватила топорик, которым рубила кизяк, и, не задумываясь, замахнулась в его сторону. Наверное, достала сына кабана. Из него вырвался крик... Потом я позвала соседей.

Мать была возбуждена и, как я чувствовал, довольна тем, что не поддалась страху.

Я осмотрел топорик, на нём действительно остался след крови.

Мать всегда держала этот топорик у печи. Только кизяк она и рубила сама. Все остальные домашние дела у неё выполняли мы с женой, на зов всегда отзывались и соседи.

– Топорик не вытирайте! – наказал я, после услышанного вскипев внутри. Я надеялся, что личность негодяя будет установлена...

Утром я пошёл на работу в школу. В одном из старших классов вдруг вижу ученика с забинтованным ухом. Не стану называть его имени. Посмотрел я ему в глаза. Долго смотрел... В классе ничего не понимают. Но тот ученик всё понял, голова у него поникла.

Когда урок кончился, я всех остальных учеников удалил из класса, а его оставил. Меня так и потянуло, взяв за грудки, хорошенько постучать им о стену, но сдержался, всё же не где-нибудь, а в школе мы находились.

– Иди, – сказал я ему, – верни моей матери деньги, которые ты у неё украл прошлой ночью, и попроси у неё прощения.

Он начал, правда, не очень решительно, от всего отнекиваться, сделал вид, что ничего не понимает.

– На топоре, который чуть не отсёк твоё ухо, сохранился след крови, – сказал я. – Установить, чья эта кровь, будет нетрудно.

Тут он, струхнув, сдался:

– Учитель, простите меня! Чёрт меня попутал, сделал глупость. Деньги я отдам, – вынул из нагрудного кармана и положил деньги на стол.

– Ты вернёшь их тому, у кого взял, – сказал я.

– Я не могу... Учитель, хоть убейте меня... Любое наказание от вас приму, но не это...

Забрав материны деньги, я пошёл к двери. На сердце стало так тяжело, что ни на что больше я не был способен...

Ученик взмолился вслед мне:

– Учитель, прошу вас, не говорите никому... Ни в школе, ни моим родителям...

Я остановился и сказал:

– Послушай меня хорошенько. Сделаешь, как я скажу быть по-твоему.

– Сделаю, учитель, я всё сделаю...

– Так вот, чтобы больше я тебя не видел! Понял? Не попадайся мне на глаза!

Выйдя из класса, я направился к директору. Попросил у него лист бумаги и написал заявление об увольнении по собственному желанию. При этом думал: «Проживу на свою пенсию...» Потом рассказал директору о случившемся. Он убеждал меня остаться, хотел порвать моё заявление, но я предупредил:

– Ты порвёшь – я снова напишу. В школу больше не приду.

– Брат мой, – заклинал меня директор, – на одну оставшуюся четверть откуда я возьму другого учителя? Доработай хотя бы до конца учебного года.

На это я согласился. Возвращаясь домой, по дороге я говорил самому себе: «Вот, сегодня один из твоих воспитанников стал вором. А завтра, кто знает, не станет ли другой убийцей? Новое время – новые люди... Время, когда попирается всё доброе, каждый поступает, как может... Вернее будет отойти в сторону, дожидаться, пока всё не схлынет... Не дать, чтобы и тебя самого затянуло, как в болото...»

Я рос без отца, недоедая, оборвышем. Мать – на колхозной работе, а я с младшими сестрёнками, беспризорные, во дворе и на улице. От голода на Зелёном току траву ели, но чтобы украсть – такая мысль и в голову не приходила. Мать внушала: «Смотрите, дети, и хворостинку не смейте брать у чужих. Воровство – это грех».

Окончил я школу, уехал в Махачкалу. Даже рейсовых автобусов ещё не было. Но повезло, в соседнем селе сел в полторку, как у нашего Ходжи, которая ехала в Дербент. В кузове, среди других попутчиков, напротив меня сидела красивая девушка одних со мной лет. В цветастом платочке, через плечо на колени спускается плотная чёрная коса. А у меня штаны на колени были продраны. Мать, чтобы зашить, не нашла чёрной нитки, а белой ей не позволил. Дырка, вначале не очень заметная, пока я спускался по тропинке в соседнее село, распоролась шире. Стесняясь девушки, я сидел, обеими руками прикрывая колени, отчего не мог для устойчивости держаться за борт, только бился об него головой. Грузовик без конца трясло и подбрасывало на ухабистой дороге. Рядом с девушкой сидел старик с тростью в руке, в папаше, в брюках галифе, в хромовых сапогах с галошами. Он поглядывал на меня, но ничего не говорил. Мне казалось, что порой под его закрученными усами, густыми и седыми, проскальзывает улыбка. Когда приехали в Дербент, он меня напутствовал словами: «Выше голову, сынок, не печалься! У тебя всё будет хорошо». Видимо, он догадался, что я из тех, у кого отец не вернулся с фронта. А девушка, как я догадывался, была его внучкой. Кто знает, может быть, и её отец не вернулся с войны?.. На поезде я добрался до Махачкалы. Там я свёл знакомство с юнцами, подобными себе. У одной старушки мы сняли угол в полуподвальном помещении. Попросив у неё иголку с ниткой, я зашил свои штаны. Вот так жили, но чтобы брать чужое... Отвлёкся я...

В ночь после того, как я обнаружил вора, укравшего пенсию матери, мне приснился отец, наяву ни разу мной не увиденный. Он ушёл воевать на второй день моего рождения. И знал я отца только по портрету на стене.

Но этот портрет имеет свою историю.

С фронта отец прислал матери свою маленькую фотографию, такую, что клеят на документы. Слишком маленькая была фотография, а мать хотела иметь большой портрет отца. И тут, вот счастье-то, подвернулся случай. В ту пору в нашем селе оказалась одна женщина – беженка с далёкой Украины. Она была художницей и стала вести уроки рисования в школе. Ей выделили и комнатку в интернате при школе. Звали её Татьяной, но и в школе, и все сельчане вскоре привыкли звать её просто Таней. Вот к ней и обратилась мать с просьбой с фотографии нарисовать портрет отца. Таня, не чинясь, взялась за работу. Ватмана нигде не могли найти, тогда мать уступила один из образцов ковровых узоров, которыми дорожила: «Рисуй на обратной стороне...»

Почти месяц, пока портрет не был окончен, мать содержала Таню у нас дома. Неоконченный портрет она никому не показывала. Возвращаясь с уроков, приступала к работе в отдельной комнате, где запиралась. Мать удивлялась этому, иногда и злилась, но Таня успокаивала её: «Наберись терпения, ещё немного, потом увидишь...»

А когда она наконец увидела готовый портрет, счастливее матери, наверное, не было человека. Она, плача, целовала изображение мужа. «Ты вернулся – как солнце взошло...» – при этом приговаривала она. Потом, также осыпав поцелуями, она приглубила Таню, как будто та вырвала её мужа из пламени войны и вернула к родному очагу. На портрете, выполненном акварельными красками, отец выглядел как живой. Работа кисти эвакуированной художницы Тани обладала такой силой, что приносила в сердце моей матери чувство присутствия мужа в доме.

Когда я, застроившись, переселился в новый дом, мать сама принесла туда портрет отца: «Пусть висит у тебя на стене. Не вспоминай о том, что ты вырос без отца. Считаю, что он всегда с тобой. Пусть внуки видят его, а он смотрит на своих внуков». Но я ведь знал, что значит для неё портрет нашего отца. «А как же ты, мама? Пусть висел бы на своём месте». – «Нет, мне достаточно старой маленькой фотографии, – сказала она. – Не всегда же твоему отцу оставаться в лачуге. Он намеревался построить новый двухэтажный дом. Его намерение ты исполнил, сынок. И теперь его место здесь». – «В таком случае и ты переселяйся сюда вместе со своим мужем», – я попытался воспользоваться случаем, но, как и прежде, ничего не добился. «Я не могу. Он мне наказывал хранить дом. Я должна выполнить его наказ. Там витает его дух. Меня не трогай, сынок, оставь в покое».

С чего я перешёл на историю портрета?.. С моего сна. Так вот, мне приснился отец.

Он, хмурый, шагал по сельской улице. В шинели, на голове пилотка с пятиконечной звездой. Оружия какого-либо я у него не видел. Туго перетянут ремнём. На ногах блестят чёрные с глянцем сапоги. Я следую за ним. И мне удивительно, что отец моложе меня. Я не осмеливаюсь заговорить с ним. Он же идёт в свой дом. В тот,

старый, одноэтажный. Идёт к матери. Он открыл дверь и вошёл в дом. А я, замерев, остаюсь во дворе. Потом они выходят во двор вместе с матерью. Я не верю своим глазам: они оба моложе меня! Мать, вся иссохшая, согбенная, как могла так помолодеть? Потрясённый, я радуюсь такому чуду. У меня, бедного, даже промелькнула мысль: «Вот наступит пора, когда и мы с женой вот так же помолодеем...» И вижу я: отец за руку подводит мать ко мне и недовольным голосом говорит: «Если хочешь, заведи её в свой дом, иначе я заведу её с собой!» – «Нет, я заведу её, папа!» – говорю я и делаю шаг вперёд, чтобы обнять отца... При этом своим шагом я и проснулся.

Что делать? Затосковал я сердцем: отец недоволен мной. Значит, я допустил ошибку, провинился и перед ним, и перед матерью.

И вот поспешил я к матери, своим видом вызывая у встречных сельчан удивлённые вопросы: «Куда ты, учитель? Что-то случилось?» Наверное, им на ум приходила мысль о моей старой матери, я же в ответ только отмахивался.

Дошёл до дома матери, и что вижу? Она собирает вещи в узел.

– Куда это ты? – спросил я.

– В твой дом. Твой отец мне наказал, чтобы я переехала к тебе. Он был недоволен мной.

– Как так?

– Он мне приснился прошлой ночью. Во сне и сказал: «Иди к сыну, там живи. Здесь тебе делать нечего». Я спросила: «Но кто присмотрит за этим домом?» Твой отец мне ответил: «Пусть решает наш сын. Он знает».

– Знаю, мать, знаю! – несказанно обрадовался я. – И этот дом мы не бросим. Уж ты будь спокойна.

– Твои желания – одно, сынок, да исполнит их Всевышний! Я же хочу другого.

– Чего другого? – не понял я.

– Дай мне слово: пока я не умру, на террасе этого дома ночами будет гореть свет, а зимой ты будешь топить здесь печь.

– Я даю тебе слово: сделаю так, как ты хочешь. Ещё обновлю забор, вставлю новые дверь и окна. Возведём здесь и второй этаж... Но зачем здесь жечь свет, топить печь? В пустующем доме так не делают. Это нам обойдётся в копейку...

– Нет, так я не соглашусь! Здесь сохранишь тот порядок, какой был. Обязательно: ночью на террасе – свет, зимой в печи – огонь. Это моё слово. Это и значит хранить дом. Иначе на нашей террасе не заворкуют голуби, сюда не вернуться ласточки. Ночью в селе на всех террасах горит свет. Как же не будет света на террасе твоего отцовского дома? Не дай здесь затосковать духу твоего отца, сынок.

– Хорошо, мать, будь по-твоему, – мне ничего другого не оставалось, как сдаться. – А теперь давай ко мне на закорки.

Она ахнула:

– Что ты говоришь, милый? Да я пойду на своих двух.

– Нет, милая! – тут уступить я не был намерен. – Для твоих ног дорога длинная. Меня маленького ты, бывало, не спускала со спины. А теперь дай и мне понести тебя.

– Люди застыдят, сынок!

– Пусть! Такой стыд, мать, я приму на себя! – Я взял её на закорки, подхватил и её узелок и понёс из одного конца села в другой... И никто меня не застыдил. На киме (Ким – место в селе, где собираются мужчины) мужчины сказали: «Если есть на свете настоящий мужчина, вот он». А женщины, вытирая глаза концом платка, вознесли мне хвалу: «Всевышний да не оставит тебя, учитель! Да будешь ты здоров до конца дней своих!..»

И я придерживался слова, данного матери: по ночам там горел свет, а зимой топилась печь. А когда мой сын, отслужив, вернулся из армии, там мы справили ему свадьбу, там же и поселили молодых. Наконец-то мать успокоилась, заявив, что теперь не боится смерти. А то от неё только и слышали: «Иди растопи там печь... Не забудь про свет... На террасе насыпь зерна голубям...» Удивительная женщина моя мать...

Учитель Ингар, расчувствовавшись, покачал головой, на глазах у него блеснули слезы.

– После того как получила похоронку отца, она никогда не танцевала на свадьбах... Ты знаешь, лезгинка, когда погибает отец, муж, брат, сын, по обычаю обрезают свои косы. Моя мать тогда на этом не остановилась. Каждый раз, когда волосы у неё отрастали, она просила меня вновь отрезать их, после чего укрывала голову под шутку (Шутку – женский головной убор)... я хочу сказать, что она траур по мужу продлила на всю свою жизнь... Да ты знаешь таких: твоя покойная бабушка так же поступала...

Рассказ учителя Ингара потряс меня. Каждый раз при наших встречах, любя и ценя его, мне казалось, что он растёт в моих глазах. И теперь я чувствовал, что моё уважение к нему возросло неимоверно. Я жалел, что слушал его один. Многим и многим следовало бы внимать рассказу учителя Ингара...

– Теперь я понимаю тебя, учитель, – вымолвил я. – Но вот что скажу: даже оставив школу, ты остаёшься учителем. Я пью за тебя!

– Громких слов не надо... Я себя успокоил, рассказав тебе о наболевшем. Спасибо, что выслушал...